

© В. Н. Давыдов

НЕФОРМАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ: ДОБЫЧА БИОРЕСУРСОВ В СВОБОДНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Ключевые слова: неформальное природопользование, добыча биоресурсов, отношения с государством, локальное экологическое знание, лов омуля, охота на нерпу, эвенки, Северный Байкал

В статье рассматриваются пространственный и темпоральный аспекты взаимоотношений местного населения и государства на Северном Байкале. Основными аналитическими категориями в данной работе выступают не “присутствие” и “отсутствие” государства, а непостоянство и неравномерное распределение в пространстве и времени потенциальных контролирующих действий государственных структур, что дает местным жителям возможность самостоятельно осваивать ресурсы, используя свои навыки и знания о ландшафте. Несмотря на то что действуют официальные правила, регламентирующие охоту и рыбную ловлю, а также сбор дикоросов и заготовку леса, они часто не соблюдаются, поскольку неформальное природопользование является для местных жителей важным источником дохода и пропитания. Для населения удаленных от центров сибирских поселков эксплуатация биоресурсов и их распределение на практике возможны благодаря наличию “свободных пространств”, где люди могут действовать в соответствии со “своим законом”, а не официальными правилами.

Для сибирских отдаленных населенных пунктов, сталкивающихся с постоянной нехваткой ресурсов, актуальна проблема нарушения природоохранного законодательства. Зачастую местные жители пользуются незаконными способами добычи, происходит превышение квот охотниками и рыбаками, практикуется несанкционированная вырубка леса и т.д. Данное явление во многом стимулируется спросом на продукты охоты и рыболовства на черном рынке и связано с относительно высоким уровнем скрытой безработицы. На севере Бурятии доступ к ресурсам регулируется действующим законодательством, определяющим порядок добычи путем установления квот, сезонных и технологических ограничений, но в реальности на местах, особенно в условиях высокой конкуренции за ресурсы, эти правила не работают.

Основными методами при проведении данного исследования были включенное наблюдение (проживание в семье ключевых информантов) и интервью. Автором были проинтервьюированы жители, использующие наиболее значимые местные ресурсы (рыбаки, охотники и заготовители леса), рассмотрены основные стратегии,

Владимир Николаевич Давыдов | <https://orcid.org/0000-0003-2738-4609> | davydov.kunstkamera@gmail.com | к. соц. н., Ph.D., ведущий научный сотрудник, заведующий отделом этнографии Сибири | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия) | научный сотрудник | Чукотский филиал ФГАОУ ВО “Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова” (ул. Студенческая 3, Анадырь, 689000, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Фонд поддержки социальных исследований “Хамовники” [№ 2016-009, 2017–2018] РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-33-01057]

Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 76–88. <https://doi.org/10.31857/S086954150006193-2>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

связанные с организацией процесса добычи/вылова и сбыта. Аналитический фокус был направлен на рассмотрение взаимосвязанного сочетания различных видов деятельности, что позволяет жителям Северного Байкала обеспечивать себя ресурсами в условиях удаленности от центров.

Рыбацкое и охотничье село на Байкале: изменение режима доступа к ресурсам

Исследуемое село имеет ряд особенностей. Во-первых, местное население активно вовлечено в практики неформального природопользования, чему поспособствовало закрытие крупного колхоза (т.е. данный населенный пункт имел опыт сильного государственного присутствия, а в постсоветский период произошло сокращение рабочих мест). Во-вторых, село находится на достаточном удалении от республиканского центра, что не позволяет властям Бурятии в полной мере контролировать практики природопользования местного населения. В-третьих, расположение села на территории, богатой природными ресурсами, помогает его жителям существовать в условиях сократившейся государственной поддержки и высокого уровня безработицы.

На жизнь села оказали влияние крупные советские проекты индустриального развития: комплексная геологическая экспедиция (1950–1960-е годы) и строительство БАМа (1970–1980-е годы). Реализация этих проектов сопровождалась постепенным улучшением снабжения местного населения. В селе располагалась центральная усадьба колхоза, который был “миллионером” (приносил ежегодно более миллиона рублей прибыли); люди были организованы в специальные рыболовецкие бригады и бригады охотников на нерпу (лат. *Pusa sibirica*); была создана звероферма; работал цех по пошиву меховых изделий, где изготавливали в основном унты и шапки из нерпичьих шкур; в дополнение к этому население занималось заготовкой леса и скотоводством. С закрытием колхоза в 2000 г. многие жители села остались без работы и вынуждены были искать альтернативные возможности заработка. В данной ситуации они стали ориентироваться в основном на использование местных ресурсов.

В исследуемом населенном пункте проживают представители разных национальностей: русские, эвенки, буряты, цыгане. Исторически село являлось центром межкультурного взаимодействия (зона культурного контакта русских, бурят-скотоводов и эвенков-оленоводов). В 1990-е годы оно получило статус национального эвенкийского села. В 2017–2018 гг. в нем были зарегистрированы четыре эвенкийские семейно-родовые общины, занимающиеся охотой, рыболовством и добычей нерпы. В их состав вошли и проживающие в селе русские, что дало последним возможность легально добывать ресурсы, не имея индивидуальных квот. Выделение специальных квот на вылов различных видов рыбы и добычу нерпы представителям коренных малочисленных народов Севера привело к численному увеличению эвенкийского населения — все, у кого были родственники-эвенки, стали причислять себя к данной национальности.

В рамках перехода от колхозного к общинному природопользованию изменился режим доступа к ресурсам. Ключевым понятием стали не “планы добычи”, которые постоянно повышались, а утверждаемые государственными органами “квоты”, регламентировавшие предельно допустимые количества добываемых нерпы, рыбы, пушного зверя и сроки охоты и рыбной ловли. Наличие официально зарегистрированных общин, а также выделенных квот позволяло местным жителям легитимно перемещаться в пространстве с орудиями лова и охоты до момента превышения квот (что достаточно сложно зафиксировать в ситуации отсутствия тотального контроля

со стороны государственных органов, поскольку в случае проверки рыбак или охотник может всегда апеллировать к “законности” своей деятельности).

Сам статус “национальное эвенкийское село” фактически закрепляет “право” местного населения на эксплуатацию биоресурсов, а лов омуля и охота на нерпу репрезентируются как традиционные занятия. Сохранение данных промыслов стало позиционироваться в публичном дискурсе как неотъемлемая составляющая сохранения эвенкийской культуры. При этом такая стратегия на определенном промежутке времени позволяла избегать запрета на некоторые виды природопользования и регулярно получать охотничьи и рыболовные квоты.

“Вынужденное браконьерство”

Государство может ослаблять или усиливать контроль за доступом местных жителей к ресурсам. В постсоветский период его уровень сильно снизился. Ограничения и запреты на вылов омуля стали вводиться в связи с данными ихтиологических исследований, указывавших на уменьшение его популяции. Согласно приказу Министерства сельского хозяйства РФ от 29.08.2017 г. № 450 “О внесении изменений в правила рыболовства для Байкальского рыбохозяйственного бассейна, утвержденные приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 07.11.2014 г. № 435” был значительно увеличен срок действия запрета на вылов (добычу) биоресурсов, в частности был введен тотальный запрет на лов омуля в период с 15 августа до 15 ноября. Одновременно были усилены меры по рыбоохране. Один из информантов, рыбак из эвенкийской общины, подчеркнул, что из-за нового запрета “вынужден заниматься браконьерством”, хотя ему и была ранее предоставлена квота (ПМА 2017). Новые правила непосредственно коснулись эвенков, лишив их легальной возможности реализовать выделенные им квоты: запрет распространился на ранее разрешенную (приказ Минсельхоза России от 07.11.2014 г. № 435) добычу омуля для личных нужд на маршрутах кочевий, временных стоянках и промежуточных базах. Изменения вступили в силу 1 октября 2017 г. и напрямую затронули тех, для кого добыча местных водных биоресурсов была основным видом деятельности.

Многие информанты выражали свое недовольство по поводу принятых поправок: “Рыбалку закрыли, с народом не посоветовались! Нас никто не спрашивал, когда решили запретить!” Люди также отмечали, что данная редакция приказа “вступила в противоречие с законами России”. На общины был выделен лимит, но из-за запрета местные жители были лишены возможности ловить рыбу в соответствии с ним. По словам рыбаков, после 15 ноября, когда разрешено ловить омуля по квоте, устанавливается “плохая погода на Байкале, появляется шуга, и ловить рыбу в этот период опасно” (ПМА 2017).

В результате часть жителей перестала выходить на промысел в запрещенный период, поскольку люди боялись высоких штрафов (в отдельных случаях до нескольких сотен тысяч рублей), возможной уголовной ответственности, а также конфискации лодок и сетей. В то же время многие не захотели отказаться от своего “права” пользования ресурсом: “Браконьерничали и будем браконьерничать. Жить-то надо”. Таким образом, значительное число жителей продолжало ловить рыбу осенью 2017 г., не обращая внимания на запрет. Как сказал один из информантов: “Люди умирать не будут, все равно будут ловить и есть!” С точки зрения местных жителей, лов омуля во время официального запрета — это не правонарушение, а “настоящими браконьерами являются рыбоохранники и чиновники”, особый статус которых позволяет им добывать и распределять природные ресурсы “в неограниченном количестве”. Информант-рыбак уверен, что они могут быть замешаны в коррупционных схемах: “Почему же тогда рыба на рынке есть, если ловить ее запрещено? Почему на рынке проварок не устраивают?” (Там же).

Местные жители предполагают, что увеличение сроков запрета повлечет рост цен на омуля, приумножив количество желающих заработать на его ловле и продаже: “Это еще хуже. Это будет в сто раз хуже. Цена подскочит. Омоновцы будут тоннами вылавливать!” Осенью 2017 г. рыбу свободно можно было купить на рынке в расположенном поблизости городе, при этом продавцы, опасаясь проверки, уверяли, что “рыба была выловлена летом”, когда запрета не было (Там же). В 2018 г. омуль полностью исчез с прилавков официально зарегистрированных торговых точек в регионе, поскольку, по словам информанта: “Уже никто не поверит, если будут говорить, что рыба прошлогодняя!” (ПМА 2018).

“Свободные пространства”

Официальный закон никогда не контролирует все сферы деятельности с одинаковой степенью интенсивности, всегда остаются “свободные пространства”, где люди могут сами распоряжаться использованием ландшафта. Термин “свободные пространства” вошел в научный оборот благодаря книге Сары Эванс и Гарри Бойта, посвященной исследованию демократических преобразований в Америке (*Evans, Boyte* 1986). Авторы определяют “свободные пространства” (*free spaces*) как “пространства действия, находящиеся между частной жизнью и масштабными институтами, где обычные граждане могут действовать с чувством собственного достоинства, независимо и в соответствии со своим собственным видением” (*Ibid.*: 17). “Свободные пространства” могут быть противопоставлены формализованной сфере государственного управления (*Ibid.*). Подобные пространства служат сохранению “народной демократии” в условиях усиления контроля со стороны правительства и корпораций (*Ольденбург* 2014). Термин также использовался в историографии рабства в Северной Америке для обозначения мест, где чернокожие могли поддерживать свои верования и религиозные культы (*Martis* 2001: 160–162; *Morris* 1993: 27).

В контексте сибирского села “свободные пространства” предполагают для представителей местного сообщества возможность действий, опирающихся на неформальные отношения, а не на официальные правила. Это пространства, свободные от институализированного государственного контроля, где реализация органами власти действующего законодательства отсутствует либо осуществляется не в полной мере. “Свободные пространства” существуют в локальном контексте, обеспечивая жителям возможность реализации повседневных практик. В этих пространствах не административные структуры, а сами люди контролируют свои действия и участвуют в принятии решений.

Таким образом, “свободные пространства” можно определить наличием институтов и практик, контролируемых не с помощью внешних сил, а самими жителями. Однако это не те области, которые недостижимы для государства и где сохраняются элементы анархии (*Scott* 2009), скорее, это “пространства”, где официальные властные структуры не претендуют на полный контроль или не в состоянии его реализовать в определенные промежутки времени. Неформальное природопользование как раз и возможно там, где государство не пытается или не имеет возможности усилить регулирование как на стадии непосредственного получения ресурса, так и на стадии его распределения и обмена.

Наличие “свободных пространств” на Северном Байкале не означает, что власти не осведомлены о ситуации на местах. Администрации и представителям контролирующих органов обычно известно о превышении квот и нарушении официальных запретов местными жителями. Инспекторы рыбоохраны, как правило, способны оценить реальный уровень неформальной добычи водных биоресурсов и обладают полномочиями блокировать доступ к ним, но не всегда пытаются без специального распоряжения вышестоящих органов усилить контроль

в отдаленных и труднодоступных для правоохранителей местах, понимая, что это нанесет серьезный удар по некоторым категориям населения, особенно по безработным, поскольку “людям есть надо” (ПМА 2017). Кроме того, усиление контроля потенциально может вызвать сильную негативную реакцию местного сообщества и создать конфликтные ситуации. Наконец, ужесточение мер по выявлению и пресечению правонарушений может отразиться на характеризующих их общее количество показателях, создав видимость резкого увеличения подобных инцидентов.

В то же время местные рыбаки отстаивают собственные интересы в случаях, когда считают, что представители контролирующих органов превышают свои полномочия. Например, члены эвенкийской общины предъявили официальное требование инспекторам вернуть снятые офицерами рыбоохраны сети, месторасположение которых, размер ячеи и способ постановки не противоречили действующему законодательству и подкреплялись предоставленными общине квотами на вылов. В результате рассмотрения спора представители ведомства согласились вернуть изъятые орудия лова.

“Свободные пространства” предполагают существование контроля со стороны местных жителей за использованием ландшафта и распространением знаний о нем. Кроме того, они означают возможность применения локальных телесных знаний (*embodied knowledge*) (см.: *Merleau-Ponty* 1962). Само наличие подобного рода знаний и навыков позволяет населению этих территорий говорить о легитимности определенных практик, несмотря на создаваемые государством запреты. Многие жители села подчеркивали, что являются “потомственными рыбаками”, а рыбалку называли своим основным видом деятельности, который позволяет им не только поддерживать свое существование, но и собственными силами справляться со многими актуальными для региона социальными проблемами: “Рыба ведь людей от водки берегает. Иначе пили бы все, а так — рыбачат. А как нам на Байкале жить без омуля?” (ПМА 2017). Во многих интервью можно было проследить мысль о рыбалке как о неотъемлемой составляющей повседневности местного сообщества. “Свободные пространства”, таким образом, являются пространствами, где жители имеют возможность контролировать использование своих знаний и навыков.

Темпоральность контроля и присутствие государства в пространстве

Практики местного сообщества, а также институтов власти могут функционировать в рамках отличных друг от друга темпоральных (временных) контекстов (*Ssorin-Chaikov* 2017), по-разному организуя последовательность действий на временной шкале. В контексте исследуемого села можно говорить об особом темпоральном измерении “свободных пространств” (*Davydov* 2014: 383), опирающемся на логику как добычи, потребления и распределения ресурсов местными жителями, так и практик государственного контроля. Основы исследования темпорального измерения ландшафта были заложены британским антропологом Тимом Ингольдом, предложившим сфокусироваться на изучении процессов, которые имеют отношение к конкретным ландшафтам (*Ingold* 1993).

Практики контроля также реализуются в рамках определенной темпоральности. Некоторые временные промежутки, например нерестовый период, считаются на Байкале особенно опасными для неформального природопользования из-за усиления государственного контроля в определенных местах; при этом степень контроля постоянно меняется. В нерестовый период рыбоохрана организует большее количество мероприятий, которые становятся более локализованными в пространстве. Осведомленность местных жителей о предстоящих рейдах, наблюдения

за перемещениями сотрудников ведомства, а также наличие обладающих информацией осведомителей — все это дает возможность прогнозировать потенциально “опасные” места и находить маршруты, связанные с меньшей степенью риска.

“Свободные пространства” позволяют осуществлять неформальное природопользование даже в ситуации полного запрета и усиления проверок, что обычно не приводит к исчезновению практики (осенью 2017 г. жители продолжали ловить рыбу), а создает более контролируемые места, где риск встречи с представителями государственных органов выше. Кроме того, тотальный запрет способствует изменению локализации “свободных пространств”, т.е. происходит перераспределение мест добычи ресурсов и актуализация новых наблюдаемых властью областей.

“Свободные пространства” не привязаны к определенной территории, они могут менять местоположение в зависимости от ситуации, поэтому их локация — это результат постоянной рефлексии происходящих событий участниками практик. Например, как только рыбоохрана принимает решение усилить контроль на одних участках, люди начинают эксплуатировать другие, где вероятность появления сотрудников надзорного ведомства меньше. Происходит постоянный мониторинг местными рыбаками и охотниками изменений в социальной и природной среде, а также обмен информацией между собой. Таким образом, перемещения и действия промысловиков в ландшафте связаны с рефлексией целого набора перемещений и действий различных агентов. Осуществление неформальных практик на севере Байкала возможно не в последнюю очередь благодаря наличию социальных сетей, которые участвуют в поддержке “свободных пространств” и в рамках которых происходит обмен информацией. Обычно местные жители хорошо осведомлены о проводимых рыбоохраной рейдах: “Человек... звонит. Сегодня рейд — и не идут рыбачить” (ПМА 2017). Оперативный обмен новостями позволяет потенциальным нарушителям минимизировать риск быть обнаруженными на месте промысла. Возможность активных действий со стороны государства неравномерно распределена в пространстве. Большинство местных жителей знает места, где рыбоохрана появляется редко.

Ослабление контроля может быть обусловлено и экологическими причинами. Например, некоторые жители села отмечают, что в целом в последние годы рыбы стало меньше. По их мнению, это означает, что из-за небольшого ее количества рейды рыбоохраны будут проходить реже. Это, в свою очередь, даст возможность рыбакам ставить сети в определенных местах без опасения быть пойманными инспекторами: “Сейчас рыбы не стало, поэтому рыбоохрана шибко не ездит” (ПМА 2017).

Понятие “свободных пространств” позволяет переосмыслить идею присутствия государства в отдаленных регионах. Воплощение в жизнь различных проектов часто шло вразрез с задуманным представителями аппарата управления планом (см.: *Scott* 1998; *de Serpo* 2013: 41–42). Несмотря на наличие администрации, инфраструктуры и различных властных институций, можно говорить об уменьшении степени контроля со стороны властей в определенных местах. “Свободные пространства” существуют благодаря неравномерному распределению интенсивности практик контроля со стороны государственных структур в пространстве. Важную роль в этой неравномерности играет географический фактор: удаленность села от центра, а мест лова рыбы — от направлений рейдов рыбоохраны.

Через “свободные пространства” можно проанализировать различные контексты отношений местного населения с государством. В этом смысле пространственное и темпоральное распределение степени административного контроля можно сравнить с зонами покрытия операторов сотовой связи: его интенсивность как в разных местах в один и тот же момент, так и в одном месте в разное время будет различаться, т.е. наблюдается его пространственная и временная вариативность. Соответственно, ситуация наличия потенциальной возможности контроля со стороны

государства в случае рассматриваемого рыбацкого села будет существенно отличаться от модели “паноптикума” (Фуко 1999), иллюстрирующей идеологию равномерного распределения контроля в пространстве и отражающей представленную в документах установку государства одинаково следить за исполнением законов и административных решений в разных местах вне зависимости от их удаленности. Иными словами, идеальная модель, транслируемая государственным бюрократическим аппаратом, в физическом пространстве не получает возможности одновременных активных действий по пресечению правонарушений. В этом случае противоречия между законодательством и реальной практикой, благодаря наличию подвижных и не привязанных к конкретному месту “свободных пространств”, регулируются местными жителями, что позволяет им проявлять определенную свободу действий.

Таким образом, несмотря на попытки государства регламентировать повседневные практики местного населения, охотники и рыбаки Северного Байкала всегда умели поддерживать “свободные пространства”. Неформальное природопользование стало особенно важным для людей в постсоветский период, когда большинство жителей сел лишилось работы. Несмотря на то что в регионе действуют официально установленные запреты, вместо того чтобы воплощать с точностью все предписания, население пытается отстаивать собственные интересы, продолжая жить в соответствии со “своими законами” (Wilson 2002).

Множественность ресурсов

Государственный контроль за добычей различных биоресурсов организован с разной степенью интенсивности. Его усиление или ослабление в отношении одних объектов промысла приводит к частичному временному переключению местного сообщества на другие. Экономика жителей исследуемого села ориентирована на использование одновременно нескольких ресурсов. В этом смысле промысел в “свободных пространствах” не привязан к эксплуатации одного конкретного вида, а может варьироваться в зависимости от экологических факторов и изменения степени контроля со стороны государственных структур.

Ключевое место в пополнении рациона питания и получении дополнительных доходов местных жителей занимает рыбалка. Несмотря на официальный запрет на вылов рыбы, жители стараются запасти ее впрок: солят, вялят и замораживают в холодильниках или морозильных камерах. Существенную роль в экономических практиках местного населения всегда играл лов байкальского омуля (Breyfogle 2013), однако в озере и реках добывают также хариуса, сига, сорогу, налима, тайменя, щуку, осетра и другие виды рыб. Тем не менее в селе практически нет жителей, которые занимались бы исключительно рыбалкой.

Важным для части местного населения продолжает оставаться промысел нерпы, хотя он в последние годы претерпел серьезные изменения. В советский период охота на нерпу была коллективным занятием, требующим длительного пребывания далеко от дома, что предполагало серьезные сборы, завоз орудий охоты и теплых вещей, палаток, дров, продовольствия, а также транспортировку добычи. Использование новых средств передвижения позволяет возвращаться на ночевку в село и не требует продолжительного совместного выезда. По воспоминаниям информанта, весной колхозники готовились к охоте, как к празднику: “...в поселке наблюдалось какое-то движение и воодушевление жителей”. Сейчас, по его словам, “на улицах никого не увидишь и не сразу поймешь, собираются ли соседи нерповать” (ПМА 2017). Связано это не в последнюю очередь с тем, что часть жителей не имеет квот на добычу нерпы: данный вид охоты разрешен в весенний период только представителям коренных малочисленных народов Севера.

Освоение новых способов охоты на нерпу сопровождалось формированием определенных телесных навыков и умений, в т.ч. в процессе взаимодействия местных жителей с государственными институтами. Так, на смену ружью и небольшим нартам (местные жители используют слово *нарточки*) (Василевич 1969: 71) пришел лов сетями. Он получил распространение благодаря советской политике рационализации хозяйства, опирающейся на научные данные. Именно ученые предложили колхозным бригадам охотников на нерпу перейти на сети. В процессе многолетних исследований был подобран необходимый размер сети и размер ячеи. Подобные усвоенные в советский период и хорошо апробированные местными жителями способы добычи ресурсов воспринимаются ими как традиционные формы. В контексте рассматриваемого села можно говорить о риторике традиционности, опирающейся на научные знания.

Многие местные жители отмечали сокращение потребления ими рыбы из-за уменьшения ее вылова в последние годы. Информанты объясняли общее снижение количества омуля экологическими изменениями, а также применением определенных способов добычи. Например, рыбаки упоминали официально разрешенную минимальную величину ячеи сетей — 22 мм, которая использовалась для промышленного лова рыбзаводом (до 2017 г.). При этом в сетях оказывалось много молодой рыбы, что препятствовало нормальному воспроизводству омуля. Рыбаки помнят, что во время существования колхоза размер ячеи был больше (36 мм) и это позволяло вылавливать только взрослых особей, обеспечивая тем самым стабильную численность популяции. При этом местные жители считают, что не наносят ущерба экосистеме, превышая квоты, поскольку добывают значительно меньше рыбы, чем в рамках промышленного лова.

Люди отмечают сильно разросшиеся популяции байкальской нерпы и баклана — основных конкурентов человека в лове омуля. Об увеличении количества нерпы говорили практически все жители села (“Рыбы меньше, много нерпы стало”), связывая это не только с климатическими изменениями, но и с уменьшением предоставляемых местным охотникам квот по ее добыче (“Раньше помногу били ее, по 50, по 60 был план на человека... Нерпа плодится быстро. Шибко много зверя стало”) (ПМА 2017). Рост поголовья нерпы рыбаки связывают с закрытием колхоза в 2000 г.: в прошедшие 17 лет ежегодно ее добывали гораздо меньше, чем во время его работы. Сейчас распределение квот на добычу нерпы осуществляется в зависимости от числа эквенок, входящих в состав общин. Например, самая крупная из них получает разрешение на добычу 250 животных в год. Следует заметить, что наблюдения местных жителей совпали с последующими заключениями ученых о запредельном росте популяции байкальской нерпы, сделанными в официальных СМИ в октябре—ноябре 2017 г. после случаев массовой гибели животных на Байкале. Поскольку эксперты связали октябрьский падеж нерпы с ее чрезмерной численностью, обсуждалась идея возобновления промышленной добычи этих животных после десятилетнего перерыва. Подобная инициатива, в свою очередь, вызвала негативную реакцию защитников природы.

Местные охотники пытались добиться повышения официальных квот на 2018 г.; в этом контексте идея необходимости регулирования популяции нерпы с целью сохранения омуля носит прагматический характер, особенно в ситуации запрета на его лов. Увеличение добычи нерпы, таким образом, может быть способом адаптации населения в условиях уменьшения объемов вылова омуля. Несмотря на фиксируемый рост популяции и мнение местных жителей, квоты на добычу нерпы увеличены не были. Это не стало помехой для многих, не получивших официальных разрешений, охотиться на нее весной 2018 г. При этом добыча нерпы сверх установленных квот воспринимается местными жителями как форма поддержания баланса в экосистеме, способствующая сохранению популяции омуля.

Среди дополнительных занятий местного населения можно назвать охоту на пушного зверя, сбор дикоросов и заготовку леса. Для заготовки дров и бревен необходимы специальные лесобилеты, но жители часто превышают выделенную норму и выходят за пределы отведенных для этого участков. В последнее время в окрестностях села было много пожаров. Люди говорят, что лес поджигают специально, чтобы потом получить разрешения для заготовки древесины: “99% леса человек поджигает, чтобы потом деляны давали” (ПМА 2017). У большинства жителей села есть огороды, некоторые из них держат крупный рогатый скот и лошадей.

В условиях высокого уровня безработицы люди ориентируются на использование всей совокупности ресурсов, что дает им возможность реагировать на ежегодные флуктуации количества и стоимости продуктов разных промыслов, позволяет увеличивать степень автономности от государства, быть менее зависимыми от внешнего снабжения, а также переключаться с одних видов деятельности на другие в случае ужесточения каких-либо запретов и усиления государственного контроля. Таким образом, “свободные пространства” на Северном Байкале предполагают эксплуатацию целого ряда ресурсов, что позволяет местным жителям приспосабливаться к текущим изменениям.

Распределение добытых ресурсов

“Свободные пространства”, позволяющие осуществлять неформальное природопользование, не могут существовать отдельно от системы распределения добытых ресурсов. Фактор удаленности поселков, наличие социальных сетей, в которые входят представители разных структур, а также жители других населенных пунктов, позволяют поддерживать теневые механизмы распределения, транспортировки и сбыта рыбы, нерпы, леса, заготовленных сверх установленных законом квот, сроков охоты и рыбалки. Большую роль в данном процессе играет натуральный обмен, дающий возможность его участникам использовать имеющиеся в наличии ресурсы. Для их добычи необходимо топливо, дефицит которого в селе ощущается постоянно. Его часто покупают, берут в долг или выменивают на рыбу у вахтовых рабочих, “сливающих” его из баков принадлежащей различным предприятиям техники (ПМА 2017).

В селе получили распространение также различные формы кредита: предоставление продуктов питания, средств передвижения, бензина или денег в долг, который может возвращаться как наличными средствами, рыбой или мясом, так и отработкой. Ключевую роль здесь играет доверие (Giddens 1990), от него зависит количество предоставленного “в кредит” ресурса. Переход от сложившейся на Северном Байкале системы государственного патернализма (Сирина, Давыдов 2017) в постсоветский период ознаменовался расцветом особой формы патрон-клиентских отношений (Foster 1963; Wolf 1966; Scott 1972), когда “заядлые” малоимущие, официально безработные должники постоянно отработывают у кредитора, выполняя работу по дому, делая мелкий ремонт, ухаживая за скотом, убирая на приусадебных участках и внутри помещений, заготавливая сено, а также охотясь и рыбача, обычно при отсутствии личного транспорта и орудий лова с помощью предоставленных “патронном” средств. Таким образом, в контексте “свободных пространств” в местном сообществе происходит формирование своей собственной иерархии, отличной от создаваемой государством. В этом смысле “свобода” означает не свободу индивида от отношений власти, а свободу появления и функционирования институтов, не контролируемых напрямую государством. Проявляющиеся в рамках “свободных пространств” патрон-клиентские отношения позволяют местным жителям организовывать добычу ресурса в условиях уменьшения государственных инвестиций. Таким образом, “свобода” не означает отсутствие детерминированности связей в рамках местного сообщества: долги, а также экологические флуктуации количества ресурса

оказывают влияние на формирование неравенства между его членами, порождая отношения экономической зависимости.

Практики неформального природопользования предполагают наличие разнообразных видов кооперации и взаимопомощи, которые могут строиться на родственных отношениях, авторитете, возрастных различиях и т.д. В селе соблюдается порядок распределения в рамках моральной экономики (см.: *Scott 1977*), когда излишки отдаются малоимущим, причем часто безвозмездно. Здесь развита неформальная система помощи одиноким матерям и пожилым людям. Рыбаки и охотники часто оставляют часть улова или нерпичьего мяса тем, кто не в состоянии добыть их самостоятельно (ср.: *Ziker 2003: 384*).

Ресурсы необходимы как для собственного потребления, так и для продажи в населенных пунктах, расположенных на БАМе. Важную роль здесь играют посредники — скупщики рыбы, мяса и пушнины, приезжающие из соседнего города, они связаны с местным сообществом давними экономическими отношениями, в которых практически не участвуют предприниматели со стороны. Внутренний рынок дров поддерживается благодаря наличию в селе потенциальных покупателей — большого числа пенсионеров, периодически получающих выплаты от государства. Среди молодежи много официально безработных, и довольно часто родители-пенсионеры материально помогают своим неработающим детям. При этом к моменту получения денег люди нередко набирают товары в местных магазинах в долг как раз на сумму выплаты.

В 1990-х — середине 2000-х годов, по словам информантов, в механизмах неформальной экономики особую роль играл обмен рыбы и продуктов охоты на алкоголь: его приобретали за деньги, полученные у перекупщиков рыбы, а иногда водку или спирт напрямую выменивали на продукцию промыслов (ПМА 2007—2008). В постперестроечный период много местных жителей погибло от некачественного алкоголя. В последние годы ситуация несколько изменилась: вырученные от продажи рыбы деньги в основном расходуются на приобретение транспортных средств, запчастей, стройматериалов и продуктов питания. Информанты отмечают, что сейчас “люди стали меньше пить”, предпочитая продавать рыбу (ПМА 2017).

Скупщики часто перевозят продукцию на личном транспорте. Так как рыбу в нерестовый период ловить запрещено, осенью 2017 г. устраивались проверки автомобилей на дороге в ближайший город. Проблему перевозки нелегально добытого ресурса решали следующим образом: обычно из села отправлялись две машины — сначала пустая, а через некоторое время нагруженная рыбой. В случае проверки первый водитель предупреждал по телефону тех, кто ехал следом. Сбыт рыбы, продуктов охоты и собирательства осуществляется также через налаженные сети родственников и знакомых.

* * *

Наличие “свободных пространств” на Северном Байкале можно рассматривать как локальную стратегию контроля (в большей степени осуществляемого не государством, а местными жителями) за использованием биоресурсов и распространения знаний об их использовании. Именно население определяет, какое количество ресурсов изымается из экосистемы. “Свободные пространства” выступают в роли регулятора противоречий, возникающих между официальным законодательством и локальными практиками природопользования.

В этнографической литературе различные виды деятельности (охота, рыбалка, собирательство) часто описываются как автономные и независимые друг от друга. Данное исследование показало, что местные жители используют целый набор

практик, комбинируя их в зависимости от наличия ресурсов, экономической ситуации, возможностей логистики и т.д. “Свободные пространства” позволяют это делать: население, ориентируясь на свои потребности, использует целый набор ресурсов, постепенно замещая один другим.

Уменьшение вылова рыбы в определенные годы или сезоны может компенсироваться за счет других ресурсов. В данном контексте большую роль играют как экономические, так и социальные практики — различные формы обмена, кооперация, кредит, мобильность и интенсивное использование разных типов ландшафтов — при условии наличия “свободных пространств”. При этом знания и навыки местных жителей — не столько результат воспроизводства локальных экологических знаний, сколько постоянно обновляемый синтез представлений, опирающихся на результаты научных данных и опыт рационализации труда в рамках госпредприятий. Наличие относительно свободных от контроля властей мест, созданная в рамках проектов индустриального развития инфраструктура, а также имеющиеся у населения знания и навыки, несмотря на отсутствие в селе предприятий с государственным участием, позволяют местным жителям самостоятельно организовывать добычу необходимых для поддержания своего существования биоресурсов.

Благодарности

Автор выражает благодарность за ценные комментарии к тексту участникам данной подборки, а также Н.В. Ссороину-Чайкову.

Источники и материалы

- ПМА 2007–2008 — Полевые материалы экспедиции автора в Северобайкальский р-н Республики Бурятия, июль 2007 — июнь 2008 гг. Полевые дневники.
 ПМА 2017 — Полевые материалы экспедиции автора в Северобайкальский р-н Республики Бурятия, октябрь—ноябрь 2017 г. Полевые дневники.
 ПМА 2018 — Полевые материалы экспедиции автора в Северобайкальский р-н Республики Бурятия, октябрь—ноябрь 2018 г. Полевые дневники.

Научная литература

- Василевич Г.М.* Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места “тусовок” как фундамент сообщества. М.: НЛЮ, 2014.
Серто М., де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
Сирина А.А., Давыдов В.Н. “...Не имеющие ни хлебопашества, ни скотоводства, ни оленей, а только одну лишь речку эту”: патернализм и рыночная экономика в Северо-Восточном Прибайкалье // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 70–85.
Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
Breyfogle N.B. The Fate of Fishing in Tsarist Russia // *Sibirica*. 2013. Vol. 12. No. 2. P. 1–29. <https://doi.org/10.3167/sib.2013.120201>
Davydov V.N. Fishery in “Free Spaces”: Non-Compliance with Fishery Regulations in Northern Baikal Evenki Village // *Polar Record*. 2014. Vol. 50. No. 4. P. 379–390. <https://doi.org/10.1017/S0032247414000163>
Evans S.M., Boyte H.C. Free Spaces: The Sources of Democratic Change in America. N.Y.: Harper & Row, 1986.
Foster G.M. The Dyadic Contract in Tzintzuntzan: Patron-Client Relationship // *American Anthropologist*. 1963. No. 65. P. 1280–1294.
Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990.
Ingold T. The Temporality of the Landscape // *World Archaeology*. 1993. Vol. 25. No. 2. P. 152–174.

- Martis K.C.* The Geographical Dimensions of a New Nation, 1780^s–1920^s // *North America: The Historical Geography of a Changing Continent* / Ed. T.F. McIlwraith, E.K. Muller. L.: Rowman & Littlefield, 2001. P. 143–164.
- Merleau-Ponty M.* *Phenomenology of Perception*. L.: Routledge, 1962.
- Morris A.* Centuries of Black Protest: Its Significance for America and the World // *Race in America: The Struggle for Equality* / Ed. H. Hill, J.E. Jones. Madison: University of Wisconsin Press, 1993. P. 19–72.
- Scott J.C.* Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia // *The American Political Science Review*. 1972. Vol. 66. No. 1. P. 91–113.
- Scott J.C.* *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press, 1977.
- Scott J.C.* *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Scott J.C.* *The Art of not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press, 2009.
- Ssorin-Chaikov N.V.* *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: HAU, 2017.
- Wilson E.* Est' zakon, est' i svoy zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin // *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* / Ed. E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002. P. 149–168.
- Wolf E.* Kinship, Friendship and Patron-Client Relations // *The Social Anthropology of Complex Societies* / Ed. M. Banton. L.: Tavistock Publications, 1966. P. 1–22.
- Ziker J.* “Horseradish is no Sweeter than Turnips”: Entitlements and Sustainability in the Taimyr Autonomous Region, Northern Russia // *The Postsocialist Agrarian Question: Property Relations and the Rural Condition* / Ed. C. Hann. Münster: LIT Verlag, 2003. P. 363–390.

Research Article

Davydov, V.N. Informal Land Use in Northern Baikal: Extraction of Bioresources in “Free Spaces” [Неформальное природопользование на Северном Байкале: добыча биоресурсов в свободных пространствах]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 4, pp. 76–88. <https://doi.org/10.31857/S086954150006193-2> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Vladimir N. Davydov | <https://orcid.org/0000-0003-2738-4609> | davydov.kunstkamera@gmail.com | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

informal land use, extraction of bioresources, relations with the state, local ecological knowledge, omul fishery, seal hunting, Evenki, Northern Baikal

Abstract

The article discusses spatial and temporal dimensions of the interaction between the local population and the state in Northern Baikal. The main analytical categories in this work are not the “presence” or “absence” of the state, but the uneven distribution and inconsistency in space and time of potential control actions of the state structures that give local people the opportunity to master resources independently employing their skills and knowledge of the landscape. Despite the fact that there are official rules governing hunting and fishing, as well as the gathering of wild plants and logging, they are often violated, since the informal land use is an important source of income and food for local people. The exploitation and distribution of bioresources by the inhabitants of Siberian settlements remote from the centers are possible due to the presence of “free spaces” where people can act in accordance with their “own law” rather than official rules.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Khamovniki Foundation for the Support of Social Research [project no. 2016-009, 2017–2018]
Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-33-01057]

References

- Breyfogle, N.B. 2013. The Fate of Fishing in Tsarist Russia. *Sibirica* 12 (2): 1–29. <https://doi.org/10.3167/sib.2013.120201>
- de Certeau, M. 2013. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'*. [The Practice of Everyday Life. 1. The Art of Doing]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Daydov, V.N. 2014. Fishery in “Free Spaces”: Non-Compliance with Fishery Regulations in Northern Baikal Evenki Village. *Polar Record* 50 (4): 379–390. <https://doi.org/10.1017/S0032247414000163>
- Evans, S.M., and H.C. Boyte. 1986. *Free Spaces: The Sources of Democratic Change in America*. N.Y.: Harper & Row.
- Foster, G.M. 1963. The Dyadic Contract in Tzintzuntzan: Patron-Client Relationship. *American Anthropologist* 65: 1280–1294.
- Foucault, M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tiur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem.
- Giddens, A. 1990. *The Consequences of Modernity*. Stanford: Stanford University Press.
- Ingold, T. 1993. The Temporality of the Landscape. *World Archaeology* 25 (2): 152–174.
- Martis, K.C. 2001. The Geographical Dimensions of a New Nation, 1780^s–1920^s. In *North America: The Historical Geography of a Changing Continent*, edited by T.F. McIlwraith and E.K. Muller, 143–164. London: Rowman & Littlefield.
- Merleau-Ponty, M. 1962. *Phenomenology of Perception*. London: Routledge.
- Morris, A. 1993. Centuries of Black Protest: Its Significance for America and the World. In *Race in America: The Struggle for Equality*, edited by H. Hill and J.E. Jones, 19–72. Madison: University of Wisconsin Press.
- Oldenburg, R. 2014. *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta “tusovok” kak fundament soobshchestva* [Celebrating the Third Place: Inspiring Stories about the “Great Good Places” at the Heart of Our Communities]. Moscow: NLO.
- Scott, J.C. 1972. Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia. *The American Political Science Review* 66 (1): 91–113.
- Scott, J.C. 1977. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.
- Scott, J.C. 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.
- Scott, J.C. 2009. *The Art of not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.
- Sirina, A.A., and V.N. Davydov. 2017. “...Ne imeiushchie ni khlebopashstva, ni skotovodstva, ni olenei, a tol'ko odnu lish' rechku etu”: paternalizm i rynochnaia ekonomika v Severo-Vostochnom Pribaikal'e [“...Having neither Grain Farming nor Stock Breeding nor Reindeer but Only This One River”: Paternalism and Market Economy in the North-East Baikal Area]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 70–85.
- Ssorin-Chaikov, N.V. 2017. *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: HAU.
- Vasilevich, G.M. 1969. *Evenki: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.)* [Evenkis: Historical-Ethnographic Essays 18th — Beginning of the 20th Century]. Leningrad: Nauka.
- Wilson, E. 2002. Est' zakon, est' i svoy zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin. In *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*, edited by E. Kasten: 149–168. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
- Wolf, E. 1966. Kinship, Friendship and Patron-Client Relations. In *The Social Anthropology of Complex Societies*, edited by M. Banton, 1–22. London: Tavistock Publications.
- Ziker, J. 2003. “Horseradish is no Sweeter than Turnips”: Entitlements and Sustainability in the Taimyr Autonomous Region, Northern Russia. In *The Postsocialist Agrarian Question: Property Relations and the Rural Condition*, edited by C. Hann, 363–390. Münster: LIT Verlag.